

Эдвард Олби в представлении не нуждается. И все же судьба скетча «ЗНАМ И НАМ» малоизвестна. Его подзаголовок «воображаемое интервью» невольно вызывает в памяти знаменитый рассказ Марка Твена, с которым перекликается эта театральная шутка. Премьера состоялась 27 августа 1960 года в «Уайт Барн Театр», штат Коннектикут. Это единственное творение Олби, на которое не откликнулся ни один театальный критик. По всей вероятности, из чувства корпоративности Слишком уж точно живописуется театральная ситуация И не только в Америке, и не только в ту эпоху. Это правда, очень злая, о драматургах, режиссерах, актерах, публике и критике.

Два персонажа пьесы ЗНАМ (Знаменитый Американский Драматург) и НАМ

Действующие лица
ЗНАМЕНИТЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ ДРАМАТУРГ, в дальнейшем именуемый ЗНАМ, невысокий худощавый джентльмен лет 50 или около того. Кого он напоминает? Руководящее лицо слегка помятого вида? Несколько фатоватого профессора истории? Похож на того и на другого.
НАЧИНАЮЩИЙ АМЕРИКАНСКИЙ ДРАМАТУРГ, в дальнейшем именуемый НАМ, поджарый нервный молодой человек, шевелюру которого неплохо было бы привести в порядок. На нем слишком длинный галстук и пропотевшие носки. Под мышкой старый номер «Эвергрин ревю».

Декорации.
 Воскресение. Послеполуденное время.
 ЗНАМ один, он читает, лежа на темно-фиолетовой тахте; перед ним графин с шерри и наполненный бокал. Раздается мелодичный перезвон колокольчиков над входной дверью за кулисами. ЗНАМ отрывается от чтения, смотрит на наручные часы, хмурится, откладывает книгу, залпом осушает бокал, поднимается, идет открывать дверь. Колокольчики все это время заливаются. Не исключено, что, направляясь открывать дверь, ЗНАМ прочитает горло. За кулисами, в холле, раздаются голоса: «Здравствуйте, здравствуйте, сэр». Первым входит НАМ, за ним следует ЗНАМ.
 ЗНАМ (вновь смотрит на часы). Весьма рад, сэр. Проходите, проходите.
 НАМ (обгоняя хозяина). Я пришел слишком рано.

(Начинающий Американский Драматург) суть разные полускопированные системы. Олби предлагал назвать спектакль в Коннектикуте «ЗНАМ, НАМ и ОБМАН», пародируя название пьесы НАМА «Дилемма, Забвение и Смерть», откровенно перекликающейся с пьесой самого Олби «Случай в зоопарке».

В НАМе, не щадя самого себя, порой с юмором, порой с иронией он вывел себя. В ЗНАМе угадывается один из королей Бродвея Уильям Индж. Мэтр умен, обаятелен, аристократичен и, несомненно, талантлив. Его фешенебельные апартаменты, увиденные глазами НАМа, оборачиваются метафорой: в оранжевых условиях живет и пишет оторванный от жизни, трагически одинокий и равнодушно-бездеятельный ЗНАМ. Отдавая ему должное, НАМ признает его яростно, искренне, со всем пылом молодости. В этом есть личное. Уже в 1961 году, будучи автором практически одной пьесы — «Случай в зоопарке», прогремевшей сперва в Европе, Олби основывает «Союз драматургов», чтобы «дать возможность молодым развивать талант, прежде чем они столкнутся с Бродвеем». А в 1968 году «Нью-Йорк Таймс» напишет о грудностях, которые испытывает уже знаменитый Олби со своим «Союзом»: «Олби мог бы ныне о себе думать, что он — гениальный американский драматург, однако он тратит массу времени и денег на воспитание приемников».

Поэтому суть скетча — легкая победа энергичного НАМа, но трагедия ЗНАМа, находящего забвение в шерри. К прискорбию, Олби оказался пророком: в 1973 году Уильям Индж покончил с собой в состоянии депрессии. Т. Уильямс посвятил ему проникновенные строки: «Билл, как и его пьесы, светился человечностью».

Конечно, в скетче много молодого задора, свойственного той прекрасной эпохе 60-х. Подобные идеи высказывает основатель «Ливинг Театр», режиссер Джулиан Бек в своих «Заметках об андерграунде»: «Когда революция дойдет до театра, Бродвей исчезнет с лица земли».

Но в отличие от теории, Олби написал скетч, безуповно, для сцены. Ему присущи все качества пьес Олби — мастерски написанный диалог; парадоксальность, напряженный, сдержанный лиризм, который пробивается через публичность.

Вступление и перевод Галины КОВАЛЕНКО.

на письмо). О, очень признателен. Но мне... мне так показалось.
 НАМ (надвигаясь на него). Нет, это чистая правда. Вы и еще несколько драматургов — Миллер, Уильямс, Торнтон Уайлдер, и... гм (пожимая плечами)... Индж, если вам будет угодно, вы — именно тот, кто сейчас нужен.
 ЗНАМ (без особого энтузиазма). Вы очень любезны.
 НАМ. Особенно важен ваш принцип непрерывности. Континуум.

Эдвард ОЛБИ

ЗНАМ И НАМ

ЗНАМ. Гм?
НАМ. Я говорю о вашей манере писать... одна за другой, не прекращая.
ЗНАМ (с бледной улыбкой направляется к хересу). Это значительно легче, чем писать все одновременно. Ха-ха-ха!
НАМ (нетерпеливо). Видите ли, я имел в виду, что вы истинный профессионал.
ЗНАМ (обдумывая это заявление; затем с гордостью). Да. Да. Полагаю, вы можете так сказать.
НАМ. Профессионал — именно то слово. А вот этот, как его там зовут, из Колумбийского университета — так вот он, да вы знаете, о ком я говорю, так вот он в своей книге пишет, что профессионал — синоним литературного поденщика высшего класса. Но я с ним не согласен.
ЗНАМ (преувеличенно громко). По какому поводу вы хотели меня видеть, а? Я не совсем уразумел это из вашего письма. Я понял, что это очень лестное для меня письмо, но мои достоинства явно преувеличены. Мне не вполне ясно...
НАМ. ...но в конце концов вы и этот тип говорите на разных языках.
ЗНАМ (озадаченно). Гм? Какой тип? Кто?
НАМ. Как же его зовут... из Колумбийского университета.
ЗНАМ. Я...
НАМ. Я пришел к вам, чтобы... Может быть, я не сумел выразить это в письме достаточно ясно. Мне нужен ваш совет.
ЗНАМ (мягко, с подобающей скромностью). Что ж, весьма рад, не знаю, смогу ли...
НАМ (азартно). Видите ли... Я должен написать статью о театре, и...
ЗНАМ (уголки его рта ползут вверх). Вы должны?
НАМ. И я был бы вам очень признателен за совет.
ЗНАМ (хмурясь). Я готов. (Бодро). О, Боже! Я

совсем забыл вас поздравить с успехом, ваша пьеса идет во оффбродвейском театре.
НАМ. (приятно удивлен). Ну, что вы...
ЗНАМ. Да, да, в самом деле. Вы можете гордиться. Она называется...
НАМ. ДИЛЕММА, ЗАБВЕНИЕ И СМЕРТЬ.
ЗНАМ. Гм... да... да, помню. ДИЛЕММА... СМЕРТЬ.
НАМ. ДИЛЕММА, ЗАБВЕНИЕ И СМЕРТЬ.
ЗНАМ. Ах, да, да. Это потрясающее название. Ваша пьеса идет... гм...
НАМ. Она идет в театре на Ист Сед Стрит.
ЗНАМ. Да, да. (Пауза). Должен признаться, я еще не успел, еще не видел ее.
НАМ. Ну, что вы.
ЗНАМ. Премьера ведь только что состоялась? И уже такая великодушная пресса!
НАМ. Пьеса идет уже четыре месяца; да.
ЗНАМ. О, Боже! Так давно идет! (Пауза). Да, время летит, уже четыре месяца, да.
НАМ (напряженно улыбаясь). Да!
ЗНАМ (засучив рукава, энергично). Новое поколение стучится в дверь. Гелбер, Ричардсон, Коунит. (Пожимает плечами). Олби. Вы... (Шутливо изображая скорбь). Вы, молодые, сметете нас со своего пути.
НАМ (не в силах сдержать улыбку). Ну, возможно, для всех нас найдется место.
ЗНАМ (качнувшись назад). Гм... да... да. Недоверчиво. Будем надеяться!
НАМ. (ЗНАМ в это время наливает себе шерри). Так, теперь относительно статьи.
ЗНАМ (предчувствуя недоброе). Ах да, да, конечно.
НАМ (наступательно). Мне кажется, что лучше начать немедленно, развернуться на всю катушку! (Ударяет кулаком об ладонь. ЗНАМ слегка подпрыгивает). И нечего темнить, ходить вокруг да около!
ЗНАМ (слегка замедленно). Нет... да, разумеется.
НАМ. Полное наступление... выложить им все... сбить с ног... и пусть они это проглотят.
ЗНАМ (взвизывая на НАМа). Да, нам нужны творческие мыслиющие критики (в его голосе вызывающие нотки), если таковые имеются...
НАМ (обрывая его). Вот что я придумал... Сперва сделать перечень всех негодяев, прямо в самом

начале. Понимаете, я собираюсь назвать статью «В поисках героя».
ЗНАМ. Прекрасно.
НАМ. Первый класс, согласны? (Хихикает, продолжает). Итак, я составил перечень всех, кто пробрался наверх, всех до одного!
ЗНАМ. Всех до одного?
НАМ. Всех до одного! (Азартно). И вы тоже в этом списке.
ЗНАМ (глядя вперед по направлению холла). Я? Я не уверен, что я...
НАМ. Вот потому-то мне и нужна ваша помощь. Вы знаете этих людей, вы пошли против них с открытым забралом, вы сорвали с них личину, выставив напоказ их глупость, высокомерие, приспособленчество. Их...
ЗНАМ. Да, полагаю, что я...
НАМ. Я знаю, вы достигли всего. Я ручаюсь. Но никто еще ничего не достиг, не став с ними заодно.
ЗНАМ (осмотрительно, наливая очередную порцию шерри). Видите ли... Я начинал в хорошие времена. Я...
НАМ. Но ведь вы сталкивались с этим?
ЗНАМ (про себя, как если бы был один). Полагаю, что так... Я...
НАМ. Разумеется, вы сталкивались! Ну! Вот перечень негодяев. (Расхаживает, считая по пальцам). Владельцы театров, продюсеры, спонсоры, театральные компании, профсоюзы, критики, режиссеры и сами драматурги. Полный список. (Улыбается).
ЗНАМ (потрясенный). Это, это непостижимо. (С бледной улыбкой). Герою не остается места, не так ли?
НАМ (насканивая на него). В этом-то и дело! И виноваты все!
ЗНАМ. О, Господи.
НАМ. Надеюсь, что вы будете откровенны.
ЗНАМ. Да, разумеется.
НАМ. Я не хочу быть голословным.
ЗНАМ (опять направляясь к графину с шерри). Мы оба этого не хотим. Не желаете ли выпить?
НАМ. Нет, нет, благодарю вас. Но вы, вы пейте.
ЗНАМ (останавливается, раздраженно). Благодарю вас. Я выпью.
НАМ (игнорируя тон ЗНАМа). Так вот, владельцы театров... Думаю, для них подойдет что-нибудь в этом роде — невежественные, жадные, удачливые обладатели недвижимой собственности.
ЗНАМ (в шоке, но это его забавляет). О, о Боже, здорово сказано, а?
НАМ. Затем продюсеры. Это приспособленцы, готовые убить за каждый доллар, но выдающие себя за...
ЗНАМ. О, да, превосходно, превосходно, здорово сказано. О Боже!
НАМ. Вы улавливаете мою мысль?
ЗНАМ (налив шерри, он расхаживает с графином в одной руке и бокалом в другой). Да, да, отлично понимаю. Пора, в самом деле пора им все это выложить, поставить точку над «и». (Хихикает).

НАМ. И думаю, хорошо бы сказать, что большинство наших драматургов ничуть не лучше этих дельцов. Да вы сами знаете — также стремятся урвать кусок пирога, и также циничны...
ЗНАМ (он слегка опьянел). Ох, хо-хо-хо-хо!
НАМ. Наши режиссеры неискренние, артисты недобросовестные, пока рететируют, толкуют о благородстве и бескомпромиссности, а потом...
ЗНАМ (еще более развеселившись). Да, да! Ха-ха-ха!
НАМ. И критики, провозгласившие себя социологами, злоупотребляющие своим положением, и...
ЗНАМ (совсем развеселившись, воодушевившись). Да, да, продолжайте, продолжайте!
НАМ. И потом эти мечущиеся между агентствами... как поточный конвейер или что-то...
ЗНАМ. Ха-ха-ха-ха!
НАМ. И еще эти тупицы...
ЗНАМ (вне себя). Тупицы! Хи-хи-хи. А кто это? НАМ (сдержанно). О, это театральные компании.
ЗНАМ (без удержу смеется, иногда стучит по столу). Театральные компании. Юноша! Выдайте им все это, а?! Положите их на обе лопатки! Пусть выкусят! Ха-ха-ха-ха! Сбейте их с катушек!
НАМ (сияя). Вам нравится? Вам нравится идея!
ЗНАМ. Нравится? Я в восторге! Хи-хи-хи-хи! В жизни не слышал ничего более смешного.
НАМ (серьезно). Я рад.
ЗНАМ. Стоп..., выпейте глоток. Хе-хе-хе.
НАМ. Нет, нет, Мне пора. Я и так отнял у вас уйму времени.
ЗНАМ. Хо-хо-хо. Не стоит благодарности. О, Боже, в жизни так не смеялся.
НАМ (они идут к выходу). Из холла доносится: до свидания... благодарю вас... Не стоит благодарности. Слышно, как захлопнулась дверь).
ЗНАМ (возвращается, прохаживается, наливает шерри).
ЗНАМ. Ха-ха-ха-ха! Тупицы! Хи-хи-хи-хи! О, Боже, О, Боже!
ГОЛОС НАМА (громко, в микрофон). Гм, хэлло, это опять я.
ЗНАМ. О, это вы. Стоп, возвращайтесь, выпьем по глоточку.
ГОЛОС НАМА. О, нет, нет. Я хотел вас еще раз поблагодарить. Я внизу. И я хочу еще раз поблагодарить вас.
ЗНАМ. Не стоит благодарности, мой мальчик! Это я должен благодарить вас. Ха-ха-ха-ха!
ГОЛОС НАМА. Очень благодарен вам за интервью. Спасибо, сэр.
ЗНАМ. Не стоит благодарности, не стоит благодарности, хе-хе-хе. (Кладет трубку, прохаживается). Не стоит благодарности, не стоит благодарности. (Внезапно останавливается как вкопанный).
ИНТЕРВЬЮ!!! ИНТЕРВЬЮ!!! (его лицо мертвенно бледнеет, рот приоткрывается. Одна из картин Модильяни смотрит неодобрительно, с картины Брака лупится краска, Клайн качается, а Мазель с грохотом падает на пол).
ЗНАВЕС